

УДК 94(47)"1914/19"

РОССИЙСКАЯ ПРАВAYA И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. Н. Лукьянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
mloukianov@gmail.com

Первая мировая война способствовала дальнейшему размежеванию правых на сторонников и противников адаптации к политической реформе в России. Первые восприняли патриотический подъем в стране как результат позитивного влияния политической модернизации и поддержали курс на «священное единение». Вторые выступили против уступок и компромиссов, видя в них предпосылки политической дестабилизации.

Ключевые слова: Первая мировая война, правые, политическая реформа, патриотизм, модернизация.

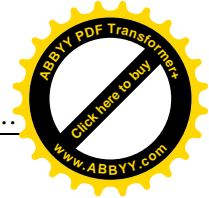
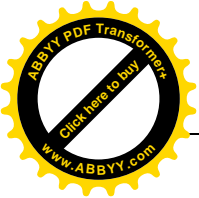
Вопрос о реакции российского общества на начало Первой мировой войны у советских историков особого интереса не вызывал, и изучением российской разновидности «духа 1914 года» отечественные исследователи занялись лишь в 1990 – е гг. [Поршнева, 2010]. В 2000-е гг. вышла целая серия монографий, касающихся различных аспектов указанного вопроса [Куликов, 2004; Поршнева, 2004, Колоницкий, 2010]. Однако в этой области остается множество лакун, к числу которых относится и реакция правых на начало войны, до сих пор не привлекавшая специального внимания исследователей [Кирьянов, 2001; Иванов, 2006; Иванов, 2013].

Деятнадцатого июля 1914 г. правые оказались в чрезвычайно сложной ситуации. Представлявшие себя как главную патриотическую силу, они придерживались прогерманской политической ориентации, и именно Германия стала главным противником России в войне. Данное обстоятельство создало специфический интеллектуальный и эмоциональный фон, сильно повлиявший на восприятие событий правыми. Анализ их реакций на происходившее накануне и в самом начале Первой мировой войны и является задачей настоящей статьи, основанной главным образом на изучении наиболее влиятельных правых ежедневных изданий, переписки и дневников правых политиков и идеологов.

Накануне Первой мировой войны российские правые демонстрировали негативное отношение к внутренней и внешней политике правительства, обусловленное расхождениями не только в тактике, но и в идеалах и ценностях. Среди высших бюрократов преобладали те, кто допускал возможность укоренения парламентских начал в российской политике и практической деятельностью этому способствовал [Куликов, 2004, с. 17–18; Кирьянов, 2006, с. 11–54]. В то же время среди правых наиболее заметны были противники такой политической перспективы, настаивавшие на радикальной ломке справа политического порядка, сформировавшегося в условиях революции 1905–1907 гг. [Loukianov, 2002; Лукьянов, 2006, с. 83–104].

Отрицательное отношение к внутриполитическому курсу сочеталось с недовольством внешнеполитической ориентацией на Францию и Великобританию. Представляя Германию столпом консерватизма в Европе, правые ассоциировали Францию и Великобританию с противоположным – либеральным – полюсом европейской политики [Белянкина, 2005; Репников, 2007, с. 223–250; McDonald, 1996].

Реакция правых изданий на убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда свидетельствовала об их негативном отношении к перспективе столкновения России с Австро-Венгрией и особенно с ее союзницей – Германией. Такое развитие события будет на руку евреям и революционерам, как утверждали правые газеты. «Земщина» называла главной причиной гибели эрцгерцога его преданность церкви и враждебность «масонству и иудейству» (Бутми, 1914, с. 3). По мнению газеты, за всеми потрясениями лета 1914 г. стояли евреи (Глинка, А мы все думаем..., 1914, с. 2). «Колокол» проводил параллели между «делом Бейлиса» и сараевским убийством. Издание выражало надежду, что «жестокое эксплуатируемая и обманываемая революционной Славией Россия стряхнет с себя гнет *краснославянофильствующей бейлисаровщины* (курсив мой. – М. Л.) и спугнет видения безумнейшей войны...» (Л. В., 1914, с. 2).

Германия рассматривалась как потенциальный посредник, заинтересованный в дипломатическом урегулировании кризиса (Побольше спокойствия, 1914, с. 1). «Земщина» утверждала, что *прямые* договоренности между Россией и Германией могли бы предотвратить войну (Глинка, Жребий брошен! 1914, с. 2]. По мнению «Русского знамени», даже после истечения срока австрийского ультиматума шансы на сохранение мира оставались, причем надежды на мирное урегулирование также связывались с германским императором (Редакционная статья, 1914, 16 июля, с. 1).

Выражая уверенность в миролюбии Вильгельма II, правые журналисты демонстрировали скепсис относительно перспектив сотрудничества с Великобританией и Францией. Союз монархической России и республиканской, демократической Франции не мог быть прочным по определению (К. Ф-нь., 1914, с. 1; Редакционная статья, 1914, 10 июля, с. 1). Сомнения в состоятельности британского союзника объяснялись, с одной стороны, сложным внутривосточным положением в Соединенном Королевстве и угрозой его распада из-за событий в Ольстере, с другой – геополитическими противоречиями между Великобританией и Россией (Редакционная статья, 1914, 1 июля, с. 1; Е.К., 1914, с. 1–2).

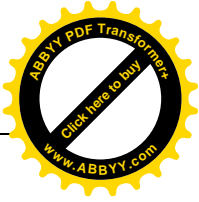
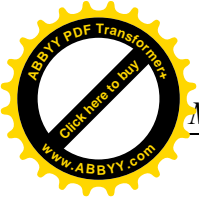
Правые, на самом деле, считали возможным урегулирование конфликта между Австрией и Сербией, о чем свидетельствуют их приватные высказывания. Видный консервативный идеолог Л. А. Тихомиров 15 июля 1914 г. писал в дневнике: «...Я уже убедился, что войны не будет» (ГАРФ. Ф. 634. Д. 22. Л. 169 об.). Представитель знаменитого славянофильского клана Ф. Д. Самарин позже вспоминал: «Даже после известия об австрийском ультиматуме думалось, что до войны дело не дойдет» (НИОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Ед. хр. 8. Л. 1 об.). А известный правый политический и религиозный деятель И.И. Восторгов замечал 18 июля: «У меня все еще теплится надежда на мирный исход австро-сербского конфликта» (ГАРФ. Ф.102. Д. 990. Л. 952).

Свидетельством уверенности в сохранении мира на житейском уровне стала история с поездкой за границу московского дворянского деятеля П. А. Базилевского. Тот выехал из Москвы в Карлсбад с намерением пройти обычный курс лечения и, только приехав в Вену и узнав об объявлении войны Сербии, принял решение вернуться в Москву (НИОР РГБ. Ф. 265. К. 124. Ед. хр. 8. Л. 1 об.).

Если одни правые сомневались в возможности войны с Германией, то другие, допуская такой вариант развития событий, видели в нем источник будущих несчастий. В письме близкого друга к одному из лидеров правых в Государственном Совете, С. Д. Шереметеву, говорилось: «Неужели мы накануне новой войны? Вот до чего довела нас дружба с Францией и сердечное согласие с Англией! ... Нам нужна дружба с Германией...» Важнейшим аргументом в пользу этого выступали соображения внутривосточного свойства. «... Не следует упускать из виду, насколько с таким союзником были бы спокойнее внутри. В этом последнем отношении, при тенденции русских перенимать у иностранцев и дурное и хорошее, в союзе с Францией кроется действительная для нас опасность. Но об этой опасности, вероятно, никто не думает» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 49 об. – 50).

Восторгов с удовольствием отмечал признаки внутренней консолидации, но тут же вспоминал о связи русско-японской войны и революции 1905 г.: «Помню, как я радовался началу войны с Японией; возмущался уступчивостью России. Ожидал побед. А что вышло? И теперь у меня сердце сжимается от ужаса, хотя кругом общественное настроение идет в полном согласии с решением правительства» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 990. Л. 952). Сомневался в благополучном исходе войны и Тихомиров, полагавший, что независимо от того, начнется она или нет, Россию ничего хорошего не ждет. «... Можно ли сказать, враги или друзья теперь более вредны для России. Да и что для нынешней России вредно или полезно? Ей, кажется, все вредно, и ничто не полезно» (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Л. 17 об.).

Впрочем, хотя негативное отношение к войне против германского блока у правых доминировало в публичном и приватном пространстве, среди них встречались и те, у кого начало войны вызывало преимущественно позитивные эмоции. К ним, в частности, относился влиятельный представитель крайне правой Б. В. Никольский. «Вот они, *желанные, жданные* (курсив мой. – М. Л.) события... Не могу усомниться в нашем успехе», – писал он в дневнике в день объявления войны (РГИА. Л. 343). «Какие события, громадные захватывающие, нам приходится переживать. То, о чем так давно говорили, думали, мечтали, то свершается теперь», – писал брату П. Д. Самарин (НИОР РГБ. Ф. 265. К. 159. Ед. хр. 34. Л. 5). «Московские ведомости» видели в

войне предпосылку политической консолидации общества. «В полном единомыслии русское общество готовится встретить роковой момент. Смолкли партийные раздоры и вчерашние противники готовы по-братски протянуть друг другу руки» (Единомыслие, 1914, с. 1).

Тем не менее в большинстве случаев правая печать акцентировала негативные стороны происшедшего. Так, редактор «Земщины» возвращался к рассуждениям о заговоре евреев и утверждал, что международный конфликт был спровоцирован ими. Россию и Германию, «две наиболее сильные монархии, являющиеся оплотом *христианской* цивилизации», обрекали на то, чтобы собственными руками разрушать «христианско-монархические устои» (Глинка, Добились своего! 1914, с. 2].

Если «Земщина», объясняя причины возникновения войны, оставалась в рамках антисемитского дискурса, то «Колокол» 19 июля предлагал иное объяснение случившемуся. Для него главными виновниками войны являлись немцы, которые решили покорить Россию и, не сумев добиться своего мирными средствами, теперь прибегли к силе. Кайзер из потенциального миротворца, каковым он предстал в редакционной статье 15 июля, четырьмя днями позже оказался инициатором войны (Выяснение положения, 1914, с. 1).

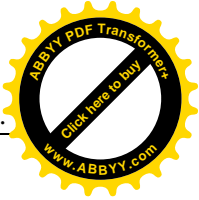
Дело было не только и не столько в самом монархе, сколько в его принадлежности к «германскому миру». Немцы, которые «верят только в кулак», противопоставлялись «славянству – мягкому, отзывчивому и глубоко христианскому по натуре». Из этого делался вывод, что «война с немцами есть, прежде всего, война священная, война христиан по духу с язычниками по природе» (Давыдов, 1914, с. 1). Тот же мотив присутствовал и в частных материалах. О «тяжбе славянского мира с германским» писал П. Д. Самарин (НИОР РГБ. Ф. 265. К. 159. Ед. хр. 34. Л. 5). Аналогичным образом рассуждал в письме к С. Д. Шереметеву А. К. Варженевский (РГАДА. Ф. 1287. Л. 188).

Интерпретацию войны как конфликта славянского и германского миров подхватила «Земщина». Хотя еще 18 июля редактор газеты утверждал, что Германии никакие российские территории не нужны (Глинка, Не обида ли? 1914, с. 2–3), 3 дня спустя «Земщина» сообщала диаметрально противоположное. «Нападение на Сербию – только повод, только придрка, чтобы завязать давно подготовленную кровавую земельную тяжбу народов. Цель войны для Немцев и Австрийцев – отторжение от России порубежных земель – Привисленского, Прибалтийского и Приднепровского края» (Володимиров, Борьба рас, 1914, с. 2).

Издание подчеркивало активность в войне Франции и Бельгии (Глинка, Услуга Франции, 1914, с. 3). Правда, это не исключало сомнений относительно верности союзническому долгу Великобритании. Та могла наживаться на перевозках и не возражала бы против затягивания войны, нежелательного для ее континентальных союзниц, которым следовало оказывать на нее постоянное давление (Глинка, «Затяжная война», 1914, с. 2–3).

Материалы частного, конфиденциального характера демонстрируют гораздо более сложную картину. Избавленные от соображений политической корректности, некоторые правые выражали глубокое сожаление по поводу начавшейся войны. «Жидам и англичанам, наконец, удалось нас стравить с Германией», – сокрушался Н. С. Мальцов. И признавался, что предпочел бы войну не в союзе с Францией и Великобританией, а против них. «У меня взяли массу людей и лошадей, если бы это было против Французов и Англичан, жертвы эти я бы принес с легким сердцем» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 76 об.).

Неприятно к союзникам демонстрировал и другой корреспондент Шереметева – А. К. Варженевский (РГАДА. Ф. 1287. Л. 86). Война между Россией и Германией противоречила подлинным интересам обеих стран и объяснялась неадекватностью «зарвавшегося и потерявшего рассудок Кайзера» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 124). «Актом чистого безумства» называл объявление войны России Мальцов, отмечавший, что ему трудно примириться с превращением участников Антанты – в союзников, а Германии – в противника. «Не могу я... порвать с прошлым, изменить свои убеждения и считать теперь белым то, что вчера еще находил черным». К тому же в случившемся был виноват не один кайзер: большая доля вины лежала на дипломатах и журналистах (РГАДА. Ф. 1287. Л. 140 – 140об.). Никольский называл Франца-Иосифа и Вильгельма «трагическими фигурами» и тут же противопоставлял их друг другу как «болвана» – «мечтателю». «Его [Вильгельма. – М. Л.] мечты естественны, его симпатии правильны, его порывы царственны, но они разошлись с тем, что есть...» (РГИА. Ф. 1006. Л. 343 об.).

Несмотря на то что симпатии к Германии и представления о ней как о естественном геополитическом партнере по-прежнему имели самое широкое распространение среди правых, они радовались, что начало войны привело к всплеску патриотических настроений и общественной консолидации. «Все сословия сразу слились в великую семью, все русские люди стали братьями, ибо все сразу почувствовали себя детьми великой Матери – Родины», – уверяла «Земщина» (Володимиров, Священный огонь, 1914, с. 4). С ней соглашался «Колокол»: «В России война сломала партийные, политические перегородки и объединила и правых, и левых, и русских, и инородцев, православных и инославных в одну братскую единокровную семью...» (Польское отрезвление, 1914, с. 1).

Особо подчеркивалось, что символом и руководящим центром социально-политического единства стал монарх. «Русское знамя» с восторгом описывало реакцию собравшихся на Дворцовой площади на выход государя на балкон Зимнего дворца: «Царь и его народ как будто крепко обняли друг друга и в этом объятии стояли перед великой Родиной» (Н. В., 1914, с. 1).

Война воспринималась как важнейшая предпосылка преобразования России, ее развития в правильном направлении. «Война нынешняя – это для нас прямо Божье чудо и Божья милость. В нашей болезни она лекарство горькое и страшное, но необходимое. Уже с самого начала война переродила русское общество: все мы преобразены, к нам вернулось наше здоровье, а вместе с ним и наша сила, наша решимость» (Значение первой нашей победы, 1914, с. 1).

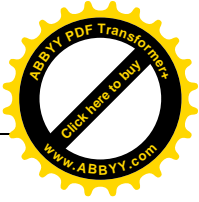
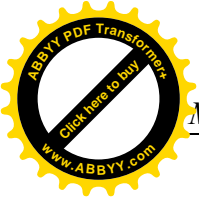
Источники личного происхождения свидетельствуют, что восторги в прессе по поводу патриотического подъема были вполне искренними и соответствовали реальным настроениям в консервативных кругах в конце июля – августе 1914 г. «...Война с немцами очень популярна, вызывает в населении готовность на всякие жертвы. ... Такой благодати мы уже давно не испытывали», – писал своему коллеге член Правой группы Государственного Совета Н. А. Зверев (РГАДА. Ф. 1287. Л. 168). Его адресат, С. Д. Шереметев, был с этим полностью согласен: «Нет ничего общего между этой войной и японской, и настроения различны как день и ночь» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 994. Л. 1311). А. К. Варженевский восхищался восторженным приемом царя на Дворцовой площади. «...Можно ли было ожидать четыре месяца назад, что многотысячная толпа студентов на коленях будет петь перед Зимним Дворцом...?» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 176–176 об.). Резкое изменение политических настроений в стране констатировала С. Л. Облеухова: «Сейчас, по крайней мере, пока идет война, нет тех, с кем мы воевали, нет революционеров, нет космополитов и т. д. Вся Россия стала черносотенной, крайней правой» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 994. Л. 1324).

Стоит отметить, что одни и те же эмоции испытывали и приверженцы правых фракций в Государственном Совете и Государственной Думе, и более радикальные сторонники А.И. Дубровина. Один из них, известный ученый-гуманитарий А. С. Соболевский, писал коллеге: «Наше правительство теперь нервничает больше, чем следует. Между тем данных бояться за Петербург – нет, и петербургские обыватели не выказывают страха. ...В общем, и в Москве, и в Петербурге настроение прекрасное, движение запасных спокойное, слухи хорошие» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 992. Л. 1161).

Однако общая позитивная реакция на патриотический подъем в стране не исключала расхождений между правыми по вопросу о том, какими методами следует его поддерживать, с помощью реформ и компромиссов или делая ставку на централизацию власти и авторитарные методы политического контроля.

Патриотизм населения, его готовность переносить тяготы войны были восприняты более умеренной частью правых как проявление зрелости российского социума, дающей основания для организации взаимоотношений государства и общества на основе диалога и доверия. Сложившаяся политическая ситуация, казалось, давала дополнительные возможности для проведения политики консервативной реформы, адаптации традиционных устоев к требованиям времени.

Это должно было повлечь за собой определенную корректировку консервативных программ. Восторгов писал по этому поводу: «Какой момент мы переживаем! Это единение всех в России, грядущие победы, в которые я верю, новая конъюнктура условий церковно-политической жизни, новое положение России и православия по отношению к Востоку и славянству, отсутствие необходимости давать уступки и реформы по требованию снизу и возможность дать их сверху по волеизъявлению власти: не время ли теперь для Собора, для патриаршества, для реформ жизни, быта и правового положения белого духовенства, не время ли теперь из политиче-

ской программы правых выбросить многое устарелое, что мы отстаивали только ввиду революции..?» Война, по его мнению, сделала присутствие Думы в системе властных учреждений незыблемым. «Дума теперь, несомненно, укрепилась и брешь в правой программе пробита прочно. Упразднить Думу теперь уже нельзя: она цементирована войной». Он заявлял о готовности поддержать законодательные меры, улучшающие положение рабочих и крестьян, признавал неизбежность новых уступок в национальном вопросе и дальнейшей демократизации представительных учреждений. «Пора нам махнуть рукой на дворян и капиталистов. Нам с ними не по пути: наш идеал – церковно-народный», – подводил он итог своим размышлениям (ГАРФ. Ф. 102. Д. 993. Л. 1209).

Похожим образом рассуждала и С. Л. Облеухова. Правым предстояло «удержать в своих руках подъем, который сейчас поднял народ, поставив его не на временные, пока военные основания, а на прочные, вечные» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 993. Л. 1283–1283 об). Им следовало укрепить «дух национализма, который проснулся во всех и удержать народ на этой высоте навсегда» [ГАРФ. Ф. 102. Д. 994. Л. 1324].

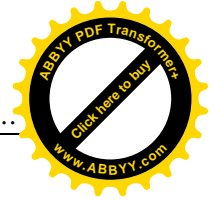
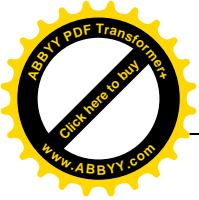
В том же контексте можно рассматривать и изменения в поведении и риторике одного из наиболее известных деятелей думской правой В. М. Пуришкевича, который прекратил нападки на либералов и обменялся знаменитым рукопожатием с лидером кадетов П. Н. Милюковым [Иванов, 2011, с. 194–195].

Ставка на политический компромисс, в общем, совпадавшая с политической линией правительства в течение первого года войны, встретила решительное сопротивление другой части российской правой, высказавшейся против курса на «Священное единение». Всплеск патриотических настроений в обществе еще не означал, что ему можно доверять. «Что касается манифестаций, я к ним равнодушен. Это все бутафория», – утверждал Никольский (РГИА. Ф. 1006. Л. 343). Патриотические демонстрации вызывали раздражение Мальцова. «...Ненавистны мне эти манифестации как признак слабости правительства, черпающего свои силы в погоне за популярностью; я не отличаю этих манифестаций от революционных выступлений и действительно трудно сказать, где кончаются одни и начинаются другие» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 70 об.).

В политических уступках виделся путь к катастрофе. Главным объектом критики правительства справа оказалось воззвание Верховного главнокомандующего к полякам, обещавшего после победы объединить все польские земли «под скипетром русского царя». «Русское знамя» демонстрировало отрицательное отношение к возванию, подписанному не просто высокопоставленным военным, но Великим князем, членом императорской семьи, очевидно, получившим на то согласие императора [Бахтурина, 2004, с. 23–29]. На следующий день после публикации документа газета (хотя и петитом, зато на первой странице!) выразила сомнение в том, что «вся польская душа изменилась и в польском сердце угасла ненависть к России и русскому народу и заменилась горячей любовью и преданностью» (Редакционная статья, 1914, 3 авг., с. 1).

Приватные высказывания по возванию поводу были еще более резкими. Соболевский считал, что оно стало результатом излишних опасений со стороны правительства. «Тому же нервничанию я приписываю воззвание к полякам с обещанием восстановления Польши» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 992. Л. 1161). Никольский опасался, что предложенный способ решения польского вопроса мог ущемить интересы русских. «Под фирмой славянства собирать Польшу очень мило, но не значит ли отдавать за фирму русскую Россию?» (РГИА. Ф. 1006. Л. 345). «Тяжело, однако, что Верховный Воевода ударился в возвания рискованного и неопределенного характера», – писал С. Д. Шереметев (ГАРФ. Ф. 102. Д. 994. Л. 1311). Опасение, не оказалось ли воззвание плодом импровизации, высказывал Тихомиров. «Не моментальное ли вдохновение решило такой шаг? Весьма сомнителен он для меня» (ГАРФ. Ф. 634. Л. 185–185 об.). Смущало воззвание и симпатизировавших правым представителей высшей бюрократии. Вдова министра юстиции И. Г. Щегловитова вспоминала: «Манифест Николая Николаевича об автономии Польши был для него ударом. ...Он окрестил этот акт “Началом конца России”...» (РГАЛИ. Ф. 1208. Л. 48).

Однако гораздо больше, чем само воззвание, оппонентов курса на политическое примирение беспокоила просматривавшаяся за ним тенденция. Варженевский опасался, не последовали бы за возванием к полякам возвания к другим национальным меньшинствам, уравнение в правах евреев и установление парламентаризма: «Всего можно ожидать от таких людей в такое время» (РГАДА. Ф. 1287. Л. 124 об.). «...Во что обратится сама Россия? В Соединенные Штаты что

ли?» – иронизировал Мальцов (РГАДА. Ф. 1287. Л. 140 об.).

Оценивая правительственный курс, Н.А. Зверев замечал: «...Правительство выдает чересчур много векселей, расплата по которым будет тяжела. В его советах, по слухам, возобладали голос Кривошеина, который уже давно не внушает мне доверия». По его мнению, изменение политической конъюнктуры требовало пересмотра политических установок правых в Государственном Совете и Государственной Думе (ГАРФ. Ф. 102. Д. 993. Л. 1236). Адресат, С. Д. Шереметев, в ответ заявлял о принципиальном нежелании приспособливаться к новым веяниям. «...Не вижу необходимости совещания ради новой ориентации. Я, во всяком случае, не двинусь ни на йоту. С исторической почвы безнаказанно не сойдешь, и временные увлечения нам не указ» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 994. Л. 1311).

Стоит отметить, что среди «временных увлечений», во всяком случае, для некоторых его единомышленников, оказалась и ориентация на Антанту. «С каким прошлым мы должны теперь порвать? Заменить ли Немецкую дружбу дружбою с Англией и Францией, этими носителями принципов “Великой Революции”?», – писал Шереметеву Мальцов (РГАДА. Ф. 1287. Л. 140). В неприязни к союзникам признавался и Никольский. «...Я до сих пор думаю, что немцы еще наложат нашим почтенным союзникам. Если они вздуют англичан, я втайне буду очень рад» (РГИА. Ф. 1006. Л. 347). Тихомиров, весьма невысоко оценивая боевые качества французской армии, с восторгом отзывался о германской. «...С точки зрения чисто военной лучше всех действует все-таки Германская армия. За ней можно поставить нас, за нами Австрию, потом – хуже всех – Французы» (ГАРФ. Ф. 634. Л. 188 об.).

Расхваливая противника, он был крайне суров в отношении собственного военного и политического руководства. «...Удивительно слабые действия с Польшей обусловлены бездарностью начальников», – полагал Тихомиров (ГАРФ. Ф. 634. Л. 190 об.). Не лучше были и министры: «Правительство ужасно плохое. Никуда не годные мощи Горемыкина, ничтожный Маклаков, самонадеянный Сухомлинов с проблематичным Григоровичем, очень не великий Сазонов: плохие столпы» (ГАРФ. Ф. 634. Л. 197–197 об.).

Серьезные претензии предъявлялись и самодержцу. По мнению Тихомирова, тот держался слишком далеко от фронта. «...Большая ошибка, если ОН не был до сих пор хоть в Барановичах. Может быть, в военном отношении это и лучше, но политически – большая ошибка» [ГАРФ. Ф. 634. Л. 201 об.]. Критиковал Николая II и Никольский. Он свысока оценивал публичные выступления государя: «Манифест и речь царя тоже приличны» [РГИА. Ф. 1006. Л. 344]. Автор дневника с иронией именовал царя «полковником» (уточняя «наш», «обожаемый») [РГИА. Ф. 1006. Л. 343 об.]. А иногда позволял себе и совсем резкое: «Что за несчастье с этим царем!» [РГИА. Ф. 1006. Л. 347 об.].

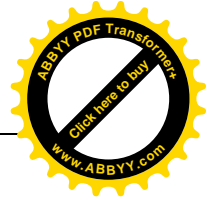
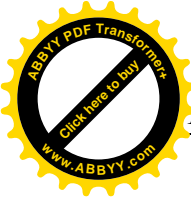
Таким образом, буквально с первых месяцев войны определились основные тенденции эволюции идеологии и политической стратегии российских правых в условиях Первой мировой войны.

Во-первых, они не хотели ассоциировать себя с довоенным статус-кво и не выказывали намерений его восстановить. Как и до войны, их поддержка правительства носила условный характер: министры могли на нее рассчитывать лишь в том случае, если их действия соответствовали установкам правых группировок.

Во-вторых, в военное время продолжался процесс политического размежевания правой, на сторонников адаптации к политической реформе и ее оппонентов.

Первыми всплеск патриотический чувств населения был воспринят как продукт изменений в политической культуре и веский аргумент в пользу демократизации власти. Другая часть правых истолковала «дух 1914 года» диаметрально противоположным образом, решив, что новая атмосфера в обществе поможет обратить политическую реформу вспять. На почве размежевания сторонников двух противоположных вариантов эволюции правой в условиях войны продолжился и углубился процесс ее поляризации – тенденции, носившей общеевропейский характер [Галкин, Рахимир, 1987, с. 61–67].

С одной стороны, часть думской правой во главе с Марковым, все более смещаясь вправо, сближалась со сторонниками Дубровина. С другой – происходил процесс дерадикализации правых, сделавших ставку на достижение политической стабильности с помощью компромисса, диалога между государством и обществом, различными социальными, этноконфессиональными и

политическими группами.

В-третьих, многие правые сохраняли симпатии к Германии, продолжая считать ее естественным геополитическим партнером.

Эти тенденции обостряли конфликты внутри правой и способствовали ее дискредитации в глазах стремительно политизировавшегося в условиях войны российского населения.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Департамент полиции. Оп. 265. Перлюстрация.

ГАРФ. Ф. 634. Л.А. Тихомиров. Оп. 1. Д. 22. Дневник Л. А. Тихомирова.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 265. Самарины.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1287. Шереметевы. Оп. 1. Д. 5122. «Смутное время», июль – август 1914 г.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. М.Я. Клячко. Оп. 1. Д. 52. М. Щегловитова. Мои воспоминания о муже, Иване Григорьевиче Щегловитове.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б. Дневник Б. В. Никольского.

Бутми Н.А. Гибельность попустительства // Земщина. 1914. 5 июля.

Володимеров С. Священный огонь // Земщина. 1914. 20 июля.

Володимеров С. Борьба рас // Земщина 1914. 21 июля.

Выяснение положения // Колокол. 1914. 19 июля.

Е.К. Доликовались // Земщина. 1914. 7 июля.

Единомыслие // Московские ведомости. 1914. 17 июля.

Глинка С. А мы все думаем... // Земщина. 1914. 12 июля.

Глинка С. Жребий брошен! // Земщина. 1914. 16 июля.

Глинка С. Не обида ли? // Земщина. 1914. 18 июля.

Глинка С. Добились своего! // Земщина. 19 июля.

Глинка С. «Затяжная война» // Земщина, 12 авг.

Глинка С. Услуга Франции // Земщина. 1914. 26 авг.

Давыдов Я. Конечная цель борьбы // Колокол. 1914. 15 авг.

Значение первой нашей победы // Московские ведомости. 1914. 12 авг.

К. Ф-нъ. Значение французского визита // Колокол. 1914. 8 июля.

Л.В. Сараевская «бейлисаровщина» // Колокол. 1914. 6 июля.

Н.В. Царь и народ // Русское знамя. 1914. 22 июля.

Побольше спокойствия // Колокол. 1914. 15 июля.

Польское отрезвление // Колокол. 1914. 2 авг.

Редакционная статья // Русское знамя. 1914. 1 июля.

Редакционная статья // Русское знамя. 1914. 10 июля.

Редакционная статья // Русское знамя. 1914. 16 июля.

Редакционная статья // Русское знамя. 1914. 3 авг.

Библиографический список

Бахтурина А.Ю. Краины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 2004.

Белянкина В.Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.

Галкин А.А., Рахимир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987.

Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917). СПб., 2006.

Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.

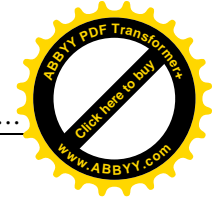
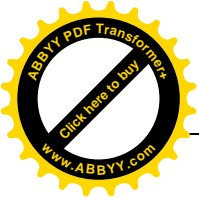
Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

- Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Stuttgart, 2006.
- Поршинева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
- Поршинева О.С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Рос. история. 2010. № 2. С. 185–199.
- Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Loukianov M. Conservatives and «Renewed Russia», 1907–1914 // Slavic Review. 2002. Vol. 61, №. 4. P. 762–786.
- McDonald D. M. The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Bd. 44. Nr. 4. S. 481–502.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.02.2015

THE RUSSIAN RIGHT AND THE BEGINNING OF THE GREAT WAR

M. N. Loukianov

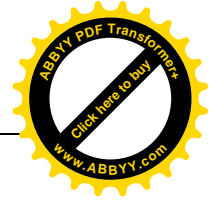
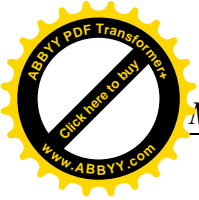
Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
mloukianov@gmail.com

On the eve of the Great War the Russian Right confronted official strategies in internal and foreign policy. The politicians of the Right were afraid that the orientation to reform and compromise would lead to the loss of national identity, which to their mind was inseparable from autocracy. Basing on those premises, they looked at authoritarian Germany as at a natural geopolitical partner of Russia, at the same time seeing liberal and democratic France and Great Britain as its geopolitical opponents. In any case, the beginning of the war made Germany Russia's enemy, while France and Great Britain turned to become Russia's war allies. The representatives of the Right showed their aversion to the war against Germany, and regret when the war was declared. In spite of their pro-German orientation, the Right demonstrated deep satisfaction with the burst of patriotism and social unity in response to the war and wanted to use it for strengthening political stability in Russia. The supporters of the Right differed in their visions of the ways of doing that. Some of them (e.g., Vostorgov, Obleukhova, and Purishkevich) saw the changes of public atmosphere as an additional argument in favor of the policies of consensus and political modernization. Their opponents (e.g., Sheremetev, Shcheglovitov, Nikol'skiy), on contrary, feared that such a course would lead to total destruction of all political institutions.

Key words: the Great War, the Right, patriotism, political reform, modernization.

References

- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 102. Departament politzii. Op. 265. Perlyustratsiya. GARF. F. 634. L.A. Tikhomirov. Op. 1. D. 22. Dnevnik L.A. Tikhomirova.
- Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB). F. 265. Samariny.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F.1287. Sheremetevy. Op. 1. D. 5122. «Smutnoe vremya», iyul' - avgust 1914 g.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 1208, M.Ya. Klyachko. Op. 1. D. 52. M. Shcheglovitova. Moi vospominaniya o muzhe, Ivane Grigor'eviche Shcheglovitove.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 1006. Op. 1. D. 4b. Dnevnik B.V. Nikol'skogo.
- Butmi N.A. Gibel'nost' popustitel'stva // Zemshchina. 1914. 5 iyulya. S. 3
- Volodimerov S. Svyashchennyy ogon' // Zemshchina. 1914. 20 iyulya. S. 4.
- Volodimerov S. Bor'ba ras // Zemshchina 1914. 21 iyulya. S. 2.
- Vyyasnenie polozheniya // Kolokol. 1914. 19 iyulya. S. 1.
- E.K. Dolikovalis'. // Zemshchina. 1914. 7 iyulya. S. 1-2.
- Edinomyslie // Moskovskie vedomosti. 1914. 17 iyulya. S. 1.
- Glinka S. A my vse думаем... // Zemshchina. 1914. 12 iyulya. S. 2.
- Glinka S. Zhrebiy broshen! // Zemshchina. 1914. 16 iyulya. S. 2.
- Glinka S. Ne obida li? // Zemshchina. 1914. 18 iyulya. S. 2-3.
- Glinka S. Dobilis' svoego! // Zemshchina. 19 iyulya. S. 2.
- Glinka S. «Zatyazhnaya voyna» // Zemshchina, 12 avgusta. S. 2-3.
- Glinka S. Usluga Frantsii // Zemshchina. 1914. 26 avgusta. S. 3.
- Davydov Ya. Konechnaya tsel' bor'by // Kolokol. 1914. 15 avgusta. S. 1.
- Znachenie pervoy nashey pobedy // Moskovskie vedomosti. 1914. 12 avgusta. S. 1.
- K. F-n'. Znachenie frantsuzskogo vizita // Kolokol. 1914. 8 iyulya. S. 1.
- L.V. Saraevskaya «beylisarovshchina» // Kolokol. 1914. 6 iyulya. S. 2.

- N.V. Tsar' i narod* // Russkoe znaniya. 1914. 22 iyulya. S. 1.
Pobol'she spokoystviya // Kolokol. 1914. 15 iyulya. S. 1.
Pol'skoe otrezvlennie // Kolokol. 1914. 2 avgusta. S. 1.
Redaktsionnaya stat'ya // Russkoe znaniya. 1914. 1 iyulya. S. 1.
Redaktsionnaya stat'ya // Russkoe znaniya. 1914. 10 iyulya. S. 1.
Redaktsionnaya stat'ya // Russkoe znaniya. 1914. 16 iyulya. S. 1.
Redaktsionnaya stat'ya // Russkoe znaniya. 1914. 3 avgusta. S. 1.
Bakhturina A.Yu. Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917). M., 2004.
Belyankina V.Yu. Vneshnepoliticheskie vzglyady russkikh pravyykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma, 2005.
Galkin A.A., Rakhshmir P.Yu. Konservatizm v proshlom i nastoyashchem. M., 1987.
Ivanov A.A. Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoy dumy v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–fevral' 1917). SPb., 2006.
Ivanov A.A. Vladimir Purishkevich: opyt biografii pravogo politika (1870–1920). M.; SPb., 2011.
Ivanov A.A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917). M.; SPb., 2013.
Kir'yanov I.K. Rossiyskie parlamentarii nachala XXveka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve. Perm', 2006.
Kir'yanov Yu.I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917. M., 2001.
Kolonitskiy B.I. «Tragicheskaya erotika»: obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny. M., 2010.
Kulikov S.V. Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917). Ryazan', 2004.
Luk'yanov M.N. Rossiyskiy konservatizm i reforma, 1907–1914. Stuttgart, 2006.
Porshneva O.S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny. M., 2004.
Porshneva O.S. «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii // Ros. istoriya. 2010. № 2. S. 185–199.
Repnikov A.V. Konservativnye kontseptsii pereustroystva Rossii. M., 2007.
Loukianov M. Conservatives and «Renewed Russia», 1907–1914 // Slavic Review. 2002. Vol. 61, № 4. P. 762–786.
McDonald D. M. The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1996. Bd. 44. Nr. 4. S. 481–502.